

Се Шигуань увидел во сне Шэнь Цюэ.

В шумной торговой лавке он заметил худощавого, чумазого мальчишку. Одежда его превратилась в лохмотья, черные волосы спутались, и лишь миндалевидные глаза — яркие, блестящие, подернутые пушком, словно у какого-то зверька — выделялись на изможденном лице. Мальчик выглядел измученным жаждой, губы его потрескались. Запястья были связаны за спиной, и, видимо, устав стоять, он беспомощно присел отдохнуть у столба.

Се Шигуань подошел ближе, присел рядом и с любопытством разглядывал ребенка. Работорговец, заметив приближение господина в роскошных шелках, сопровождаемого свитой в добротных одеждах, несказанно обрадовался.

— Юный господин, присмотрели кого-нибудь? — подобострастно засуетился он.

Се Шигуань промолчал. Торговец не унимался:

— Этот раб очень смирный и послушный, к тому же здоров. Если купите его в качестве забавы — хоть в лошадки играть, хоть мишенью сделать — он и пикнуть не посмеет. А если в слуги — так он работающий. Ребенок ест мало, горстки риса хватит, зато трудится не меньше взрослого.

Се Шигуань, казалось, вовсе не слушал его. Он протянул руку и коснулся пушистых ресниц мальчишки. Тот немедленно зажмурился.

— Немой, зато слух отличный! — поспешил объяснить торговец. — Слышит всё, а сказать не может. В таких знатных домах, как ваш, это даже удобнее — не разнесет сплетен за спиной.

Услышав их разговор, мальчик снова открыл глаза. Его мучил страшный голод, и он робко уставился на бумажный пакет с хворостом в руках Се Шигуаня. Его кадык дернулся — он украдкой сглотнул слюну.

В этот момент кто-то выкрикнул: Ваше Высочество! — и все дети в лавке разом вскочили. Грязный мальчишка тоже поспешно вскочил на ноги и в испуге спрятался за спину Се Шигуаня.

Се Шигуань нахмурился, раздраженно бросив:

— Раз так, носи мою фамилию. Будешь Шэнь...

Мальчик, услышав его голос, сначала замер, а потом покачал головой. В этот момент подал голос Шэнь Сянчжи:

— Немой?

— Как тебя зовут? — раздался тонкий детский голосок.

— Пусть будет Шэнь Цюэ.

Торговец тут же вклинился:

— Юный господин, он немой, но смысленный. Если берете всерьез, я готов уступить за полцены. Пять лямов серебра, как вам?

Маленький немой взял угощение, но съел лишь кусочек, а остальное протянул обратно.

Крепкий мальчик из толпы выступил вперед и доложил:

— Ваше Высочество, он грязнуля!

— Возьми, — Се Шигуань купил это лакомство на лотке, но, попробовав кусочек, потерял интерес, так что отдавал его с барского плеча.

Маленький немой робко кивнул.

— Шэнь Цюэ, Шэнь Цюэ, — Се Шигуань повторил имя дважды, остался доволен тем, как оно звучит, и настроение его улучшилось. — Пойдешь со мной. Отныне такой еды у тебя будет вдоволь.

Се Шигуань в тот день не учился и не должен был идти во дворец, поэтому терпеливо выслушал историю мальчишки. Тогда он еще не был тем всемогущим Регентом, что вертит судьбами империи, а был лишь несмышленым ребенком, ростом с того самого запуганного мальчишку, что сидел у него в ногах.

Се Шигуань понял, чего тот хочет, и щедро протянул пакет:

— Хочешь?

Се Шигуань не взял его, а лишь выпрямился и, глядя на него сверху вниз, бросил:

— Отныне звать тебя Шэнь Немой.

Шэнь Сянчжи встревоженно прошептал:

— Ваше Высочество, Шэнь — фамилия императорского рода, ее нельзя даровать просто так.

— Что вы здесь делаете?

*

Второй раз Се Шигуань столкнулся с ним во дворе Чунтай, где жили стражники. Группа мальчишек прижала кого-то к земле и с шумом пыталась сорвать с него одежду. Оказалось, что все дети после еды ходили в общую купальню, и лишь этот немой держался особняком. Ночью, когда все спали на общих нарах, он не лез на кровать, а сворачивался с одеялом на полу. Мальчишки решили, что он ведет себя так странно, потому что скрывает, что он девчонка, и затеяли проверку.

Выслушав их, Се Шигуань усмехнулся и подошел к грязному мальчишке:

— Маленький немой, почему ты не хочешь быть как все?

Тот смотрел на него настороженно, сверкая черными глазами, словно брошенный на дороге щенок. Вдруг Се Шигуань заметил на его волосах сухую травинку. Он с детства терпеть не мог неопрятности, и эта травинка показалась ему осквернением красивых глаз мальчика, поэтому он машинально потянулся ее убрать.

Мальчик, решив, что его снова пытаются раздеть, вцепился зубами в ладонь Се Шигуаня. Тот застыл, опешили и стражники. Опомнившись, старшие мальчики скрутили обезумевшего немого и оттащили в сторону.

Се Шигуань смотрел на след от зубов на своей руке — красная, воспаленная рана расплывалась на тыльной стороне ладони. Стражники засуетились, наперебой спрашивая: Ваше Высочество, не больно? Все в порядке?

Се Шигуань тут же почувствовал боль, а следом — ярость. За всю жизнь никто не смел так с ним обращаться; даже любимый попугай императора не позволял себе подобного в его присутствии. Как этот раб посмел?!

Не раздумывая, Се Шигуань подошел и ударил немого ногой в грудь. Мальчик закатил глаза и, не продержавшись и мгновения, обмяк, потеряв сознание. Прибежавший следом Шэнь Сянчжи окатил его водой, а затем, не дрогнув, отвесил десять ударов кнутом. Через полчаса мальчишка снова был без чувств.

Руку перевязали, боль утихла, и гнев Се Шигуаня поутих. Он обронил лишь:

— Если завтра выживет — отправить во двор Ланьшэн. Будет прислуживать мне лично.

У мальчишки оказалась поразительная живучесть. Удар в грудь, десять тяжелых ударов кнутом, ночь без сознания — но на следующее утро, едва взошло солнце, он открыл глаза и, полуживой, жестами попросил у Шэнь Сянчжи воды.

С тех пор маленький немой покинул общие нары во дворе Чунтай и получил свою комнату. Он быстро рос, вытягиваясь, словно весенний побег. Его одежда и прическа всегда были в порядке, кожа посветлела, хотя он оставался таким же худощавым и по-прежнему любил робко опускать глаза.

От Ванъе до Регента — Шэнь Цюэ всегда был его личным телохранителем. В еде, в быту, в делах, даже в интригах с чиновниками и на банкетах — везде чувствовалось его присутствие.

В тот день Шэнь Цюэ привел паланкин с позвякивающими колокольчиками. В столице все знали, что Регент не любит нежных дев, предпочитая мужскую компанию. Чиновники то и дело подсовывали ему юных танцоров, но Ванъе был крайне разборчив: красота, покорность, владение искусствами — и даже если всё это было при нем, Се Шигуань быстро терял интерес. Он был поистине безжалостен: не держал наложников, приглашал лишь на ночь и приказывал убираться до рассвета, не позволяя остаться в поместье.

Се Шигуань не помнил, чтобы кого-то звал, и в недоумении посмотрел на Шэнь Цюэ. Тот сделал шаг вперед и жестами показал:

— Ваше Высочество, человек доставлен.

— Кто пришел? — спросил Ванъе.

— Ваше Высочество, посмотрите сами.

Се Шигуань подозрительно прошел мимо него и отдернул занавеску — внутри было пусто. Он обернулся, раздраженно спросив:

— Где человек?

Шэнь Цюэ неожиданно улыбнулся — улыбкой вызывающей, с ямочкой на левой щеке. Он медленно подошел и, прильнув к нему, прошептал:

— Я здесь.

Он положил подбородок на плечо Ванъе:

— Вы ведь позвали меня сегодня, неужели забыли?

— Ты... — Се Шигуань отступил на шаг и схватил его за подбородок, сжав пальцы так, словно хотел раздробить кость.

Подождите, Шэнь Цюэ ведь... немой?

Се Шигуань замер в редком для него замешательстве, осознавая нелепость своего сна, и проснулся. Он редко видел сны, а чтобы Шэнь Цюэ занимал в них всё место — такого не было за десять с лишним лет. Но еще абсурднее было то, что он испытал желание к этому невзрачному немому...